

МАМА,
Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ РАССКАЗЧИКОВ XX ВЕКА

УИЛЬЯМ
САРОЯН

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Уильям Сароян Мама, я люблю тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6716821

Уильям Сароян. *Мама, я люблю тебя*: Эксмо, Домино; Москва, Санкт-Петербург; 2012
ISBN 978-5-699-54167-6

Оригинал: William Saroyan, "Мама I Love You"

Перевод:

Ростислав Герман

Аннотация

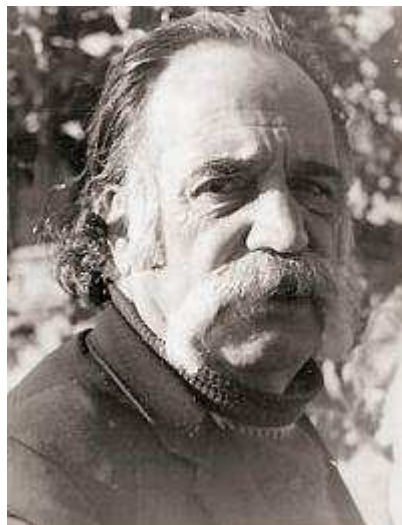
Роман «Мама, я люблю тебя» занимает особое место в творчестве Уильяма Сарояна, писателя, чье имя стоит в одном ряду с такими титанами мировой литературы, как Фолкнер, Стейнбек, Хемингуэй.

Мудрость детства – основа сюжета этой замечательной книги. Мир, увиденный глазами девятилетней девочки, преображается на глазах, ибо главный принцип этого чудесного превращения прост, как само детство: «Ищи всюду добро, а отыскав, выводи его в свет, и пусть оно будет свободным и гордым».

Содержание

Прощай, Макарони-лейн!	5
«Звезда Ирландии»	8
Хэлло, «Пьер»!	11
Однажды рано утром	15
Вдвоем	18
Розыски	21
Нью-Йорк, Нью-Йорк	24
Сумасшедший колибри	28
О голуби, о люди, о маленький мальчик	30
Ресторан-автомат	33
Викторина	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Уильям Сароян Мама, я люблю тебя

Вы оглянуться не успеваете, как моментально погружаетесь в рассказ. Он не тратит слов на то, чтобы представлять вам героев; они представляют себя сами...

Грэм Грин

Любопытно, что Сароян, Хемингуэй и Стейнбек, когда им было по двадцать – тридцать лет, писали лучше, чем имели на то право.

Курт Воннегут

Прощай, Макарони-лейн!

Мама Девочка вышла из ванной, одетая совсем чуть-чуть, и спросила меня:

– Сколько сейчас времени?

– Восемь.

– Без десяти?

– Нет, ровно.

– На каких?

– На всех. Восемь, и ты опоздала, но ведь ты всегда опаздываешь.

– Родить тебя я не опоздала.

– Это я не опоздала. А ты просто ждала меня.

– Я в этих вещах разбираюсь лучше, – сказала Мама Девочка, – и можешь мне поверить, из нас двоих не опоздала я.

– Ну и не я.

При моем рождении, вот когда мы с Мамой Девочкой впервые познакомились и дружились. С тех пор мы не переставали дружить, но не проходит дня, чтобы мы с ней хоть раз серьезно не поссорились. Правда, потом мы всегда миримся. Живем мы с ней вдвоем и ходим везде вдвоем, если не считать, когда что-нибудь только для больших; тогда Мама Девочка идет, а я остаюсь, иногда с разовой няней, а иногда с Матушкой Виолой – матушкой одиннадцати больших мальчиков и девочек, которая приходит к нам по субботам и воскресеньям убираться, готовить и смотреть телевизор.

Я ждала Маму Девочку у нее в спальне, чтобы посмотреть, как она будет одеваться – потому что это она умеет. Лучших одевалиц я не видела. Мама Девочка вся розовая, волосы у нее рыжие, и о том, как одеваться, она знает все. Сперва надо принять ванну, потом всю себя посыпать пудрой, потом покраситься, а уж потом приниматься за одевание. Когда все это сделаешь, становишься похожей на взрослую. Все это я могла бы сделать и сама, но пока я как палка и наощупь очень жесткая, а не мягкая. Маме Девочке тридцать три года, но она сердится, когда я об этом говорю.

– Мне двадцать два, и ты это знаешь, – говорит она.

– Если тебе двадцать два, – возражаю ей я, – то, значит, я еще не родилась, потому что, когда я родилась, тебе было двадцать четыре. Ты сама это говорила.

– А я тебя обманула, – отвечает на это Мама Девочка. – Просто мне не хотелось говорить тебе, что ты у меня появилась в тринадцать лет – вот и все.

– Ну и выдумщица ты! – говорю тогда я, а Мама Девочка спрашивает:

– А похожа я на женщину, которой тридцать три года? Ты ведь их много видела.

Конечно не похожа. Она вообще не похожа ни на кого, и каждую неделю она приходит из косметического салона совсем другая. Волосы у нее каждый раз другого цвета, и другого цвета лак на ногтях. А столько сортов губной помады, пудры и всякого такого, сколько есть у Мамы Девочки, нет ни у одной женщины на свете.

Мама Девочка задыхалась сигаретой «Парламент» и села на свою кровать, на красное вельветовое покрывало. Она посмотрела на меня, улыбнулась, сделала затяжку, потом выпустила дым и не похоже было, чтобы она спешила.

– Ты бы поторопилась, – сказала я.

– Зачем, я и так уже на час опоздала. Доберусь не раньше чем через полчаса, так что торопиться все равно бесполезно, а уж если опаздывать, то по-настоящему.

– Понятно.

– Что Матушка Виола приготовила тебе на ужин?

– Ее нет.

– А где же она?

– Не знаю. Она еще не приходила.

– Не может быть! – воскликнула Мама Девочка. – Неужели подведет? Она ведь прекрасно знает, что я на нее рассчитываю. Сказала ведь ей, чтобы к семи была у нас обязательно. Я думала, что, пока я сидела в ванне, она пришла.

– Нет, не пришла.

– Так с кем же тогда ты разговаривала?

– С Деб.

– С девочкой миссис Шломб?

– С Деборой Шломб.

– С каких пор вы с ней разговариваете как взрослые?

– А разве мы разговариваем как взрослые?

– Да. Я думала, ты разговариваешь с Матушкой Виолой. Я должна выяснить, в чем дело, почему ее до сих пор нет.

Мама Девочка взяла трубку телефона с тридцатифутовым шнуром, набрала номер, подождала, но никто не ответил.

Она погасила окурки в розовой пепельнице, на дне которой было написано что-то по-французски, и задумалась. Я всегда знаю, когда Мама Девочка задумывается, потому что все в ней тогда утихает и становится совсем-совсем другим.

– Что случилось, Мама Девочка?

Мама Девочка улыбнулась немножко, а потом развела руки в стороны, и я прыгнула туда, и мы обнялись, и Мама Девочка сказала:

– Мой Лягушонок, мой Одуванчик, мой Кузнечик.

И я поняла, что Маме Девочке грустно. Когда ей грустно, она всегда называет меня чем-нибудь маленьким.

Она опять подняла трубку и быстро набрала номер, а потом начала разговаривать голосом, совсем не похожим на обычный. Она спрашивала о самолетах и расписаниях на сегодня, на любое время, только обязательно на сегодня. Я поняла, что тот, с кем она говорит, сначала не знал насчет сегодня, но в конце концов все узнал. Мама Девочка на секунду положила трубку, а потом быстро набрала другой номер.

– Клара, – сказала она, – мне очень жаль, но у нас ничего не выйдет. У меня все меняется, сегодня вечером я вылетаю в Нью-Йорк. Да, сегодня вечером... Это необходимо... О, я не знаю на сколько. Может быть, на месяц, может – больше, может – меньше... Ну конечно, миссис Нижинская едет со мной...

Она послушала немного, а потом сказала:

– Не отходи, я ее спрошу.

И повернулась ко мне:

– Кларе хотелось бы, чтобы две-три недели или месяц, пока я буду в Нью-Йорке, ты жила у нее. Хочешь?

– Нет уж, спасибо, не хочу, – ответила я, – и ты это прекрасно знаешь. Зачем ты меня спрашиваешь, хочу ли я жить у Клары? Она называет меня миссис Нижинской и плутует в карты, а сама говорит, что я плутую.

– Она моя лучшая подруга.

– Не моя же, – сказала я. – Нет, поеду с тобой.

Мама Девочка сказала Кларе:

– Бесплезно, ее не уговоришь. Но все равно, с твоей стороны очень мило было пригласить ее. Когда вернусь, позвоню. До свидания.

Она положила трубку и ну носиться по комнате, вытаскивать чемоданы, кричать: сделай то, сделай это, проверь плиту, холодильник, заднюю дверь, другие двери, достань платья и зубную щетку.

Вот как случилось, что Мама Девочка и я полетели в Нью-Йорк – вместо того, чтобы Мама Девочка пошла на вечеринку, а я осталась с Матушкой Виолой.

«Звезда Ирландии»

Мама Девочка – актриса, вот почему мы полетели в Нью-Йорк. Потому что настоящий театр – только в Нью-Йорке. В самолете (это был лайнер компании «ТВА», и он назывался «Звезда Ирландии» – я сама прочла название, когда поднималась по ступенькам к дыре в бабочкином туловище, через которую люди попадают к своим местам) Мама Девочка сказала мне:

– Мне обязательно нужно получить хорошую роль в хорошей пьесе, потому что время идет и я не молодею. Сезон только начинается, и мне, чтобы получить хорошую роль, надо быть в Нью-Йорке. Последнее время я очень много занималась и теперь знаю, что я подготовлена – не как в прошлом году, когда я поехала в Нью-Йорк одна, а ты осталась дома с тетушкой Бесс на целых два месяца. Я читала и читала, но не могла получить роль, потому что не была подготовлена. Теперь – другое дело, и вот почему я беру тебя с собой, вместо того чтобы снова просить тетушку Бесс прийти пожить с тобой, потому что на этот раз у меня должно получиться и ко мне придет большой успех, а когда он придет, я накуплю тебе новых платьев и всего, чего ты только захочешь, а сейчас спи.

Но я была так от всего взбудоражена, что не могла спать. Самолет все время дрожал, и слышался шум, который всегда бывает на самолетах, а по проходу между сиденьями сновали люди.

– Мои золотые рыбки! – воскликнула я. – Что теперь будет с моими золотыми рыбками?

Мама Девочка купила мне однажды у Вулворта двух маленьких золотых рыбок по тридцать пять центов каждая в двух маленьких баночках шариком, и теперь они остались одни на туалетном столике в моей спальне, с десятицентовым пакетиком корма, которым некому их кормить.

– Черт с ними, с золотыми рыбками, – сказала Мама Девочка.

– Сейчас же возьми свои слова обратно. И как только у тебя повернулся язык сказать так о Мальчике и Девочке! Ведь они почти что лучшие мои друзья, и я целый год заботилась о них!

– Какой год?! Они всего-то у тебя около месяца. Я и не думала, что они проживут так долго. Я купила их только потому, что баночки одни стоят больше, чем я заплатила за них вместе с рыбками.

– А мне все равно, почему ты их купила. Я люблю моих золотых рыбок, и ты должна взять свои слова обратно.

– Беру, – сказала Мама Девочка. – И даже дам Кларе телеграмму: попрошу ее заглядывать к нам раз в неделю и их кормить.

– Два раза в неделю.

– Хорошо, два.

– Не забудь.

– Не забуду.

– Запиши.

Если Мама Девочка не запишет чего-нибудь, она обязательно забудет это сделать, но иногда она забывает даже то, что записала. Она записывает и записывает без конца, целыми днями. И вот сейчас Мама Девочка достала из сумки блокнотик и серебряный карандаш и записала: «Телеграмма Кларе кормить рыбок».

– Что-нибудь еще? – спросила она.

– Да. Что, если у тебя не получится?

– Лучше бы ты не задавала мне таких вопросов. Надо, чтобы в этот раз обязательно получилось, а то будет поздно.

– Что будет поздно?

– Стать большой актрисой.

– А ты разве не большая?

– Большая, но у меня не было пьесы. Кое-что я делала на телевидении, но это не в счет. Глупые роли в глупых пьесах, поставленных глупыми режиссерами. Мне тошно от телевидения, и мне необходимо попасть в настоящий театр.

– Зачем?

– Чтобы стать известной.

– А разве ты не известная?

– Еще не совсем. Я красивее всех на любой вечеринке, я знакома со всеми продюсерами, режиссерами, драматургами и актерами, но никто не вскакивает при моем появлении и не заявляет, что для его пьесы необходима именно я. Никто! Я этим сыта по горло. На этот раз у меня должно получиться! Надо, чтобы ты тоже в это верила, и тогда мне повезет.

– Хорошо.

– Вот умница!

– Верю, что ты получишь самую лучшую роль на свете и будешь в десять раз знаменитее Мэрилин Монро. Тебе ведь нравится Мэрилин?

– Ну конечно. Она ужасно милая, но ты подумай только, как ей везет!

– Тебе повезет больше, чем Мэрилин Монро.

– А теперь помолись и спи. Уже за полночь.

Я крепко-крепко зажмурилась и увидела оранжевый свет, но мне не нравился шум, который самолету нужно было все время делать, чтобы лететь.

– Вот и умница. Ты уже помолилась?

– Да, – ответила я, но не открыла глаз, потому что мне нравилось смотреть на оранжевое и на черное – оно только что появилось.

– Что ты просила?

– «Боже, сделай так, чтобы у Мама Девочки все получилось и она стала знаменитой, а я буду очень доброй к червякам».

– Но ведь ты, по-моему, и так к ним добра.

– Ну конечно. Я всегда была добра к ним.

– Но тогда почему ты говоришь, что ты будешь добра к ним?

– Ой, Мама Девочка, неужели ты не знаешь, как молятся? Я всегда прошу чего-нибудь, а потом что-нибудь обещаю.

– Да, но о каких червяках ты говоришь?

– Которые в саду. Я никогда их не давлю, а просто смотрю, как они ползают и извиваются.

– Ты спишь?

– Как бы я разговаривала с тобой, если бы я спала?

– Я хочу сказать: ты почти спишь?

– Думаю, что да.

– Тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Но я страшно не люблю шум, который слышишь внутри самолета, и как все дрожит, и мне было совсем не так, как в своей постели, где я могу вытянуться и лежать, и мне прохладно и хорошо, и я вспоминаю разные истории. Большинство девочек не любят ведьм. Я ведьм люблю. Мне не нравятся истории, в которых нет ведьм. От них все в историях становится ужасно интересным. Деб говорит, что ведьм на свете не бывает. А я считаю, что бывают. Мы ссоримся и не разговариваем иногда по полдня, а потом Деб говорит: «Ладно,

есть ведьмы». Или я говорю: «Хорошо, их нет, но какая разница? Раньше они все равно были, потому что во всех лучших историях ведьмы есть».

И тогда мы миримся.

Взаправдашняя ведьма с длинным тонким носом в бородавках и волосках посмотрела на меня и захихикала. Я испугалась, и теперь я точно знала, что ведьмы есть, и заснула.

Хэлло, «Пьер»!

Из аэропорта Ла Гуардиа мы поехали на такси к «Пьеру» на Пятой авеню. В Нью-Йорке это один из самых лучших и дорогих отелей, только Мама Девочка снимает не огромный-преогромный номер за двадцать долларов в день, а малюсенький-премалюсенький за три, который богатые люди снимают для своих слуг или секретарей. Сами они спят в больших.

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что я бедная, – объяснила Мама Девочка. – Никого, кроме меня, не касается, сколько я плачу за жилье.

– А я где буду спать?

– Тут, глупышка.

– А ты?

– Тоже тут.

– Ой, Мама Девочка, как я рада, что мы приехали в Нью-Йорк!

Вся комната – не больше передней нашего дома в Пасифик Пэлисейдз, но только здесь она была на двадцать первом этаже и у нее был номер 2109. При ней была миленькая ванная, а в самой комнате стояла миленькая кровать, ну и, конечно, телефон, но не розовый, а простой, черный, и с тихим звонком, а не оглушительным, как у нашего розового телефона дома.

Мама Девочка села на кровать и позвонила, чтобы ей принесли кофе, а мне – тосты и яйца всмятку. Брр! Терпеть не могу яйца всмятку и ужасно люблю кофе, но мне его пить не разрешают.

Мама Девочка напустила в ванну воды и позвала меня:

– Миссис Нижинская, идите отмокать!

– Не называй меня, пожалуйста, миссис Нижинской.

– Но ведь ты танцуешь?

– Ну и что? Так меня зовет Клара Кулбо, а она меня не переваривает, поэтому я ее не перевариваю, и я не хочу, чтобы ты звала меня так же, как она. Зови меня Маргарет Роза.

– Пусть будет Маргарет Роза, только раздевайся скорей. Я хочу, чтобы ты отмокла, позавтракала, растянулась на постели и отдохнула – ведь ты совсем не спала.

– Нет, спала!

– Ну если и спала, то плохо – так же, как и я. Почему ты хочешь, чтобы я звала тебя Маргарет Розой?

– Розой? Это значит – Розой Англии, маленькой сестренкой королевы.

– О!

– Ты королева Англии, а я твоя маленькая сестренка.

– Ох, если бы так было на самом деле!

– Но ведь так оно и есть! Мы просто притворяемся, будто мы бедные.

– В чем в чем, а уж в этом мы никак не притворяемся!

– Как стать королевой или ее сестрой?

– Становись в ванну и мойся, и – слушай, Кузнечик, тебе просто необходимо есть больше: ты вся из чурочек. С этого завтрака ты начинаешь есть – хорошо?

– Буду стараться изо всех сил.

Я залезла в ванну и стала петь и отмокать, а Мама Девочка тем временем обзванивала знакомых. С некоторыми она смеялась, вскрикивала, звала по имени, но с другими говорила так, будто это не она, а кто-то другой. Я услышала, как официант вкатил в комнату столик и ушел, а потом Мама Девочка вошла ко мне в ванную, я вылезла, она меня вытерла, и я надела халатик и села за стол. Оба яйца (одно коричневатое, а другое белое) Мама Девочка очистила от скорлупы, положила на них по кусочку масла, масло начало таять, и она мне сказала:

– Хочу, чтобы с сегодняшнего дня ты стала обжорой – съешь, пожалуйста, все, что только есть на столе, и побыстрее.

– Скорлупу, тарелки, ножи, ложки и вилки – тоже?

– Тоже.

– А салфетки?

– Тоже.

– А стаканы?

– Все значит все, и мне совсем не до шуток. На молодую мать очень косятся, если ее дочь не похожа на пряничную куклу.

– Не хочу быть похожей на пряничную куклу!

– На молодую мать, у которой нет на свете никого, кроме маленькой дочери, смотрят очень косо.

– У тебя есть Папа Мальчик.

– Нет, Лягушонок, это у тебя есть Папа Мальчик. У меня – нет. Мы с ним развелись.

– Но ведь Папа Мальчик не умер, и пока он не умер, он есть у меня и есть у тебя.

– Боюсь, что нет. А потом, он ведь в Париже и думает пожить там некоторое время.

– Он присылает деньги.

– Да, когда ему удастся их заработать.

– И у тебя есть мой брат Пит.

– Нет, твой брат у твоего отца.

– Почему мой отец увез моего брата в Париж?

– Ты ведь прекрасно знаешь, что год тому назад мы все сошлись на том, что твой отец возьмет к себе Пита, если Пит захочет (и он захотел), а ты останешься со мной, если ты захочешь, – и ты захотела.

– Но я хочу быть и с моим отцом.

– Ешь яйца.

– Нет, правда, Мама Девочка, я хочу быть с ним и с моим братом Питером Боливия Сельское Хозяйство и хочу, чтобы и ты была с нами.

– Я здесь, ты здесь, а твой отец и Пит – в Париже, и на этом конец.

– Почему?

– Знаешь, у меня и так голова трещит от забот, и я не намерена объяснять тебе в сто первый раз, что твой отец и твоя мать разведены. Когда мужчина и женщина разведены... в общем, это значит, что вместе они больше не живут.

– Я знаю, что ты больше всех на свете любишь папу, и ты это тоже знаешь.

– Может быть – но и нет никого на свете, кого бы я так ненавидела.

– Неправда, ты его любишь!

– Ненавижу.

– И он тебя любит.

– И он меня ненавидит.

– Как можете вы сразу любить и ненавидеть друг друга?

– Для нас это просто.

– Я люблю моего отца и люблю тебя.

– А кого ты ненавидишь?

– Пита.

– Питера Боливия Сельское Хозяйство?

– Да, Питера Боливия Сельское Хозяйство.

– Сама ведь знаешь, что любишь его.

– Ненавижу.

– Тогда ты должна понимать меня и своего отца. Теперь так: этот тост – до последней крошки, а какао – до последней капли!

– Позвони моему отцу и скажи, чтобы они оба сюда приехали.

– Сюда?

– Да, прямо сюда. В эту комнату. В номер две тысячи сто девятый отеля «Пьер». Мы будем жить здесь все до самой смерти.

– Вчетвером в этой комнате? Нас уже через час в живых не будет. Когда ты была маленькой, мы вчетвером прожили шесть месяцев в доме из двадцати комнат в Ойстер-Бей, и это нас чуть не убило.

– Что нас чуть не убило?

– Жизнь в одном доме, одной семьей.

– Почему? Разве трудно жить одной семьей?

– Для меня и твоего отца – трудно. Думаю, что и для всех трудно – но, может, я ошибаюсь. Я сузу по тому, что вижу вокруг. Возьми, к примеру, мою лучшую подругу Клару Кулбо. Она прожила двадцать лет в одном доме с мужем и тремя детьми, и ты посмотри только, что с ними стало.

– А что?

– Неживые они, вот что. Встают по утрам, едят и двигаются, но они как мертвые. Вот тебе семья.

Вдруг зазвонил телефон, и из-за этого я не смогла попросить Маму Девочку, чтобы она толком объяснила мне про семью. Нужно было ждать.

– Глэдис! – завизжала в трубку Мама Девочка. – Слушай: теперь или никогда. Должна же я наконец когда-нибудь начать в театре! Вчера я чуть было не отправилась на очередное собрание, как вдруг решила: пропади они пропадом, эти собрания, раз и навсегда. Не хочу я всю жизнь быть хорошенькой девушкой на вечеринках. Это меня не греет – вот и все. Поэтому я прилетела сюда и через час встречаюсь с Майком Макклэтчи.

Мама Девочка говорила и говорила, и пила кофе, и курила сигарету за сигаретой, потому что Глэдис – это Глэдис Дюбарри, а вы ведь знаете, кто это: одна из самых богатых девушек в мире, вот кто, и лучший друг Мамы Девочки, лучший даже, чем Клара, потому что Глэдис и Мама Девочка дружили еще тогда, когда были маленькими девочками и обе были несчастные.

Они проговорили долго, а потом Мама Девочка быстро разделась и вошла в ванну, а потом вылезла и оделась. Она выкатила столик в коридор и уложила меня в постель, и дала мне книгу «Однажды рано утром», почти без картинок, про великих людей, когда они были маленькие, и сказала:

– Я иду на ланч с мистером Макклэтчи, а ты читай, отдыхай и спи. Я опаздываю, но к половине третьего, вероятно, буду там, а к половине пятого вернусь, и тогда мы решим, что делать вечером. Договорились?

– Договорились. Кто такой мистер Макклэтчи?

– Он ставит пьесы. Года два назад мы познакомилась с ним на вечеринке, и подумай только, он меня не забыл!

– Разве можно тебя забыть, Мама Девочка?

– Я рассказала ему, что приехала в Нью-Йорк устроиться в театр, и он сказал: «Правильно сделали. Приходите на ланч, и мы потолкуем о ваших делах». Держи пальцы накрест, Лягушонок.

– Обязательно. Желаю удачи, Мама Девочка.

Мама Девочка облизала мне все лицо, а потом ушла, и я раскрыла книгу. Там была картинка: мальчик держит раковину около уха, и мне захотелось тоже достать такую раковину и послушать ее – прямо сейчас. Но взять ее было негде, а потом раздался телефонный

звонок. Это был мистер Макклэтчи. Он сказал, что, к большому своему сожалению, не мог еще выехать с работы и поэтому запоздает на ланч. Я объяснила ему, что все в порядке, моя мама тоже опаздывает. Он спросил, сколько мне лет, а потом сказал:

– Знаете, молодая леди, мне нравится ваш голосок. Хотите быть актрисой?

– Нет, благодарю вас, – ответила я. – Но моя мама – хочет.

– Знаю, но мне нужна маленькая девочка с приятным голосом.

– У моей мамы очень приятный голос.

– Конечно, конечно, но твоей маме не девять лет, как тебе и девочке в пьесе. Подумай об этом, хорошо?

– Подумаю.

Ну уж нет! Разве мне с этим справиться?

Однажды рано утром

Я стала читать в книге стихи, но не могла понять ни слова и принялась просто рассматривать раскрытые страницы как картинку, а потом закрыла книгу, положила ее на пол, залезла под одеяло и уснула.

Мне приснилось, что мама собирается на вечеринку и вдруг передумывает и решает вместо этого ехать в Нью-Йорк, и берет меня с собой. Мне приснилось, что мы сели на «Звезду Ирландии» и полетели в Нью-Йорк, там взяли такси до «Пьера» и поселились в номере 2109, и начали мыться, есть и обзванивать знакомых – все точно так, как было на самом деле, только теперь мне все это снилось.

Скоро сон кончился, а самолет все шумел и трясся, и мне хотелось, чтоб он скорее сел – но он не садился. Так без конца я и летала на самолете, брала такси и попадала в 2109-й номер, пока не услышала, как повернулся ключ в замке, и не проснулась совсем. Пришла Мама Девочка.

– В чем дело, Лягушонок? Ты вся красная, и от тебя пышет жаром!

Она кинулась ко мне и приложила руку к моему лбу, метнулась в ванную и вернулась оттуда с градусником, сунула его мне в рот, бросилась к телефону и спросила кого-то о враче, а потом стала говорить с самим врачом, а потом вынула градусник у меня изо рта, посмотрела и сказала врачу:

– Сто три.

Потом поговорила еще немножко, положила трубку, подошла, села и взяла мои руки в свои, и я сказала:

– Ой, Мама Девочка, я совсем не больная.

– Нет, ты больная, – сказала Мама Девочка. – Но врач скоро придет и вылечит тебя.

– Я не больная, просто я никак не могу остановить самолет: он все шумит и шумит.

– Где?

– У меня в ушах. Я знаю, что я здесь, а не на самолете, но он все равно не перестает.

– Врач даст тебе лекарство. Я откажусь от всех своих планов на сегодняшний вечер и буду сидеть около тебя.

– Нет, мама, я не хочу, чтобы ты отказывалась от своих планов!

– Ну, знаешь ли, меня не интересует, что ты там хочешь. Я так решила, и так будет. А теперь ложись, отдыхай и ни о чем не думай.

Телефон зазвонил, и это опять была Глэдис Дюбарри. Мама Девочка стала рассказывать ей про обед с мистером Макклэтчи:

– Роли для меня у него нет, но он хочет познакомиться с Кузнечиком. Ему понравился ее голос, и он хочет посмотреть, не подойдет ли она на роль маленькой девочки из этой пьесы, но... не знаю. Я прилетела сюда, чтобы самой пробиться на сцену, а не устраивать туда свою дочь. Я ужасно не люблю детей на сцене. А кроме того, у нее температура, сто три, но она считает себя здоровой. Знаешь, какие они – все умеют лучше, чем взрослые, даже болеть... Что ты, тебе совсем не нужно присылать своего врача, я уже вызвала... Ну конечно, лучше твоего нет, но нет необходимости присылать его...

– Пусть пришлет, – сказала я. – Хочу увидеть врача Глэдис Дюбарри.

– Говорит, что хочет видеть твоего врача, – сказала в трубку Мама Девочка, – но послушай меня, Глэдис: это всего-навсего небольшая температура, а так у нее все в порядке, поверь мне, и я не хочу беспокоить людей по пустякам... Разумеется, рисковать я не собираюсь, но я твердо уверена, что ничего серьезного нет... Но почему обязательно полиомиелит?.. Знаешь что, сейчас я хочу, чтобы она отдохнула. После врача я тебе позвоню.

– Полиомиелит? – спросила я. – Ой, Мама Девочка, так я, наверное, умру?